

УДК 930.1
ГРНТИ 03.01.06

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

*С.И. ИВАНОВА, кандидат философских наук
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

В статье анализируется феномен войны в творчестве русского философа Н.А. Бердяева. Проблема войны рассматривается сквозь призму русского национального самосознания. Автор обращает внимание на специфику современной войны XX века.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Германия; национальное самосознание; футуризм; национализм.

THE PROBLEM OF WAR IN N.A. BERDYAEV'S WORKS

*S.I. IVANOVA, Candidate of Philosophical Sciences
MESC AF "N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy" (Voronezh)*

In article is analyzed the war phenomenon in works of the Russian philosopher N.A. Berdyaev. The problem of war is considered through a prism of the Russian national identity. The author pays attention to specifics of modern war of the 20th century.

Keywords: WorldWarI, Russia, Germany, nationalidentity, futurism, nationalism.

Введение. Конец XIX – начало XX стал для нашей страны сложным, переходным периодом, когда на первый план вышла потребность философского осмысления произошедших коренных изменений в российском обществе и определение будущих перспектив его развития. Особую значимость приобрела тема войны, ведь события начала XX века предельно актуализировали эту. Анализ причин, выявление специфики и закономерностей войн и военных конфликтов в трудах русских мыслителей сопровождались размышлениями о прошлых событиях истории и устремленностью в будущее России.

Проблема войны проходит через все творчество Н. А. Бердяева, так как ему пришлось стать непосредственным свидетелем многих военных событий XX века [1, с. 47]. Но большинство его произведений посвящены Первой мировой войне. В качестве основного источника при анализе Первой мировой войны мы будем использовать его статьи этого периода (1914-1918 годов), опубликованные в сборниках «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности» и «Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны».

Актуальность. Анализируя причины и истоки военного конфликта, Бердяев обращается к обзору международной обстановки накануне и в ходе Первой мировой войны. Главный источник войны автор видит в германском империализме и его претензиях на господство в Европе, в ущерб интересов России и Англии. «Все народы мира не могут согласиться на то, чтобы Германия была величайшей империей, так как существование этой величайшей империи есть угроза для мира, насилие над миром и неправда в мире» [2, с. 37]. Говоря о современном ему европейском мире, Бердяев подчеркивает его обманчивый и иллюзорный характер, так как за миром, «охраняемом» Германией, скрывается внутренний конфликт. Создавая огромную армию, направленную на завоевания мирового господства, германский милитаризм вынуждал другие страны, не име-

ющие никаких воинственных наклонностей, содержать огромные армии и напрягать все силы для собственной защиты. Германия не считается с нормами международного права, стремясь утвердить духовное превосходство германской расы: «Германия не хочет быть одной из многих, хотя бы и из первых... Идеологи германизма давно уже говорят о том, что мировая история вступила в период господства германской расы...» [3, с. 8].

Важнейшее значение в анализе Первой мировой войны для Бердяева приобретает понятие «футуризм». Автор рассматривает футуризм как синоним капиталистического милитаризма и активного развития промышленности Германии. «Чудовищные предприятия Круппа, – писал он, – изготавливающие футуристические пушки, есть, конечно, явление футуризма в военном деле» [4, с. 18]. Великолепно оснащенная технически армия Германии, «автоматические массы войска, вооруженные совершенной техникой и в совершенстве дисциплинированные», «футуристические чудовища» немецкие Цепелины: все это, по мнению Бердяева, есть футуризм в войне [4, с. 18]. Особое внимание Н.А. Бердяев уделяет рассмотрению сущности футуризма. Как философ – идеалист он видит в нем явление, побеждающее «человеческий дух», отвергающее «внутреннюю ценность, движение истребляет существенное» [4, с. 18]. В милитаризме и промышленности Германии Н.А. Бердяев предчувствует процесс духовной деградации человеческого общества, реакции, возврата назад, к эпохе варварства на почве ложной цивилизации: «футуризм незаметно угашал человеческий дух, превращал человека в средство для чудовищного механизма» [4, с. 19].

Подобные достижения науки и техники не способствуют прогрессивному развитию человечества, несут за собой смерть: «они разрушают старую культуру, истребляют старые города, храмы, произведения искусства» [4, с. 19]. Технический прогресс, по мнению автора, неизбежно разрушает целостность жизни, «органическую связь духа и материи» [4, с. 20]. Здесь взгляды Н. Бердяева безусловно перекликаются с позицией О. Шпенглера о будущей судьбе западной цивилизации. Идея упадка, обреченности, разрушения, «раздробления», предчувствие гибели человечества: «Нынешняя футуристическая война колеблет органически-священные основы жизни» [4, с. 20].

В столкновении интересов Сербии и Австро-Венгерской империи Бердяев видит более глубокие причины, а именно «всемирно-исторический антагонизм» германцев со славянской расой [3, с. 8]. Анализируя черты германского и славянского народа, автор подчеркивает их принципиальные отличия. «Германская раса – завоевательная, воинствующая, это она довела милитаризм до чудовищных размеров», – писал он [3, с. 9]. Именно она является носителем чудовищного милитаризма разрушительного материального прогресса и нуждается в захвате чужих земель. Славянская раса – совершенно иной природы, ей «всегда был чужд дух милитаристического империализма» [3, с. 9]. Ей свойственны скорее защита и бескорыстная жертва. Здесь ярко прослеживается понимание Бердяевым внутреннего духовного смысла Первой мировой войны. Это борьба двух народных идей, двух противоположных миров, настоящего и будущего: борьба германского империализма и духа русского народа. «Русская армия более одухотворена, и ее победа будет победой духа над механикой, над механической цивилизацией», – писал он [3, с. 41].

Философ неоднократно повторяет, что сила нашей армии «в преобладании у нее факторов духовных над факторами механическими и автоматическими» [4, с. 21]. Только Россия, славянство несет в себе «более высокие духовные потенции, обращенные к грядущему, а не к прошлому». «Только мы призваны творить новую жизнь, так как старая приходит к концу» [4, с. 20]. Поэтому выход из «футуристической войны» автор видит в особой роли русского народа, который должен сыграть в мировом историческом процессе. «Я верю, – писал он, – что в славянстве, в России есть та свобода

духа, которая может быть противопоставлена футуристической войне с ее автоматическими чудовищами» [4, с. 20].

Заслуга Н.А. Бердяева состоит не только в детальном рассмотрении истоков и причин войны, но и конкретном психологическом анализе этого явления. Этические проблемы осмысления трагизма войны отражены в его статье «О дремлющих силах человека». Война, по мнению Бердяева, важнейший момент в жизни человека, когда раскрывается его тайная индивидуальность, его достоинства и недостатки. Она «делает человека зверем и героем, варваром и могущественным, будит инстинкты самые низкие и самые высокие» [5, с. 39]. Здесь явно проявляется идея автора о дуализме войны. Война - не только страдания, истребления, но и стремление к подвигу, самопожертвование. «Война, – писал Бердяев, – хороший реактив. Она обнаружила и героизм за мирной жизнью, и варварство за механической цивилизацией» [5, с. 40]. Война способствует пробуждению лучших качеств человечества, «человек способен почти превозмогать закон природы» [5, с. 42]. Ей свойственно пробуждать все лучшее, что есть в человеке, возвышать самого человека, раскрывать в нем божественную природу.

В статье «Мысли о природе войны» Н.А. Бердяев ставит вопросы: «Что является собою война? Как философски осмыслить войну?» [6, с. 181]. Обращаясь к сущности войны, Бердяев выявляет ее духовный, «символический» характер: «...война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине» [6, с. 181]. Автор подчеркивает, что война в своей основе не есть источник зла и насилия, природа войны «чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная» [6, с. 181]. По мнению автора, война является реакцией на зло, которое созревает вглубоко внутри: «...война... есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны тяжелого недуга человечества» [6, с. 182.].

Бердяев излагает теологический взгляд на войну, благодаря которому трагедия смерти осознается глубже. Многие видят в войне лишь насилие и убийство, писал он, «разрушающее физическую оболочку человека». Но в войне есть более глубокий очищающий возвышенный смысл. Она «есть имманентная кара и имманентное искупление» [6, с. 184]. В войне человечество, страдая, проходит через «крестный ужас и смерть войны», чтобы достичь духовного очищения, избавления от грехов, «искупления древней вины» [6, с. 184].

Автор сосредотачивает внимание на проблеме ответственности за войну. Ответственность Бердяев рассматривает на трансцендентном уровне. Философ подчеркивает всеобщий и неизбежный характер ответственности человечества: «Когда я желаю победы русской армии, я духовно убиваю и беру на себя ответственность за убийство, принимаю вину» [6, с. 185]. Убийство, по Бердяеву, прежде всего психологическое явление, совершающее духовно, а не физически. Философ пишет: «зло, творимое культурой, как и зло, творимое войной, – вторично, а не первично, оно ответ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни» [6, с. 186]. Мир возможен только в идеальной жизни. В «исторически-телесном мире», где правят законы насилия – ничего не может быть идеального, а, следовательно, «принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни» [6, с. 188].

Особое место в творчестве Бердяева занимает идея патриотизма. Рассматривая войну, прежде всего, как «духовное событие, духовную борьбу, а потом уже материальную», автор уделял этому аспекту большое значение. Из чего же складывается патриотизм? Прежде всего, это гражданственность. Гражданин, писал Бердяев, это «личность, взявшая на себя ответственность за судьбу своей родины и своего народа» [7, с. 276]. Война должна глубоко переживаться каждым гражданином своей родины «как свое собственное внутреннее дело» [8, с. 81]. Только желание целого народа, только

«духовное участие каждого... в историческом деле... усиливает армию» и способно привести к победе [8, с. 32].

Важна так же воля к победе. Волю к победе автор сравнивает с гранитом, где воля отдельного человека собирается во «всемирную гранитную волю к победе» [8, с.81]. Важна для победы над врагом самодисциплина, закалка личного характера, необычайная выносливость. Нельзя падать духом, разочаровываться, изолироваться, так как все это деморализует армию и не способствует ее укреплению.

В статье «Война и возрождение» Бердяев сравнивает Первую мировую войну с русско-японской войной. Он подчеркивает их принципиальное различие, говоря о том, что мировая война понятна русскому народу, тогда как «он не понимал войны японской» [3, с.10]. В Первой мировой войне автор находит черты сходства с Отечественной войной 1812 года. Он подчеркивает ее оборонительный характер для русского народа: «не для завоеваний, а во имя мира для всего мира, объединения всего славянства, во имя защиты и охраны справедливости» [3, с. 10]. Такая война призвана духовно объединить людей, уничтожить «внутреннюю рознь, раздиравшую Россию, внутреннее насилие, отравляющее ее жизнь» [3, с. 12]. Так как в войне освободительной, «в которой защищается родина и правда», пробуждаются чувства чести и гражданства даже в последнем из обывателей [3, с. 11]. Именно в такой войне русский народ должен осознать свое предназначение, великое призвание для «мирового дела правды – отражения насилий германского милитаризма, притязаний пангерманизма, опасных для всех народов» [3, с. 12].

Философ сознательно противопоставляет патриотизм и национализм. Национализм полностью отвергается автором. Он заключает в себе целый ряд «отрицательных, ненавистнических, вытесняющих и притесняющих чувств» [8, с. 83]. По мнению автора, национализм – «партиен, не народен, он ставит разные трусливые интересы выше творческой любви к Родине» [8, с. 83]. Для победы нужен подъем патриотизма. Он сверхпартиен, всенароден, он есть положительная творческая любовь к Родине.

Бердяев, как и многие его современники призывал к полной победе над Германией. Он был уверен в благоприятном исходе войны, аргументируя свою точку зрения невозможностью окончательно победить Россию: «Силы России неисчерпаемы. Трагический опыт Наполеона показал, что значит посягнуть на Россию. Россия, как цельный организм, как совокупность народных сил непобедима» [9, с. 86]. Однако для победы над врагом требовалась большая внутренняя работа по сплочению русского общества, преодолению внутренней розни, партийности и противопоставления «мы» и «они». Автор проводит идею творческого патриотизма, который основан на всемирной воле и направлен на великую борьбу до конца, до полной победы над врагом. По мнению философа, война «не может быть бюрократической, профессионально-военной, она должна быть общественно-народной, национальной» [9, с. 87]. Бердяев призывает сделать войну национальной, так как страна, в которой война не будет национальной, обречена быть побежденной. «Все для войны, все для победы», - пишет он. Ведь великая страна и великий народ непобедимы.

Анализируя феномен войны, Бердяев стремится постичь исторический смысл России. В Первой мировой войне автор видит не только возможность избавиться от германского и западного влияния, но и реализовать «великую мировую задачу» России. Эту задачу Бердяев видит в идее русского мессианизма. Данная проблема не является новой в русской философской мысли. Она зародилась в творчестве славянофилов, нашла свое выражение в философских идеях русских мыслителей Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьева и др. Глубокое понимание особой судьбы русского народа, его вселенской миссии характерно и для философии Н.А. Бердяева. В статье «Душа России» он пишет: «С давних времен было предчувствие, что Россия предна-

значена к чему-то великому, что Россия особенная страна, не похожая ни на какую страну мира» [10, с. 12]

Славянский народ, писал он, еще не осуществил свое призвание, не занял своего места в мире, как это сделали иные нации. Но это явление временное. Настанут времена, когда, наконец, Россия займет предначертанное историей «великодержавное положение в духовном мировом концерте» [10, с.13]. Преодолеть прежнее положение России призвана война. Автор возвращается к концепции двойственного характера войны. Несомненно, война обнажает «грехи, болезни и слабости России», но, и «огромную и для разума непонятную силу ее» [7, с. 317]. Мировая война призвана преодолеть отдельность, замкнутость, духовный разрыв, свойственный настоящей России и помочь ей исполнить свою мировую роль. Русский дух станет «не только восточным, но и западным..., «мировым, общечеловеческим... Великий раздор войны, пишет философ, – должен привести к великому соединению Востока и Запада» [10, с. 13].

По мнению Бердяева, именно Россия способна возглавить мировую историю, реализовать идею всеобщего спасения. Причина этого кроится в «неразгаданной тайне» русского духа. «Россия – самая нешовинистическая страна в мире», - писал философ [10, с. 19]. Для русской души характерны особые, не свойственные западным народам черты: национальное бескорыстие, жертвенность, «сверхнациональный, всечеловеческий дух» [10, с. 19]. Эти душевные свойства предопределили ее мировую роль: «Россия призвана быть освободительницей народов» [10, с. 20]. Но для достижения этого Россия должна показать свою силу, сделать ее доступной познанию всего мира: «скрытое в недрах России должно раскрыться, тайное должно стать явным, потенциальное должно перейти в активное состояние» [13, с. 321].

В своих поздних произведениях Н.А. Бердяев вновь обращается к минувшим событиям Первой мировой войны, видит необходимость их переосмысления. Как уточняет философ, «те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но не применимыми уже к современным событиям» [11, с. 7]. Бердяев корректирует свою позицию в отношении войны. Он уже не мечтает о победе любой ценой, а задумывается о цене этой победы: «Все время я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война. Этого должно желать и с точки зрения судьбы России, и с точки зрения судьбы Европы» [11, с. 8].

Многие оценки происходящих событий в мире, данные Бердяевым, оказались пророческими. Его беспокоит будущая судьба европейского христианского мира. Он пессимистически предчувствует, что продолжение мировой войны повлечет за собой самые катастрофические последствия: «все народы в Европе со своими культурами погрузятся во тьму и мрак» [11, с. 8]. Бердяев как будто предсказывает будущее, видит скорое ослабление Европы и появление новых сил в мировой политике: «Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет с Азии... После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой» [11, с. 8-9]. Он предугадывает те изменения, которые вскоре произойдут с Россией, предчувствует ее новую судьбу. Но независимо от времени и событий навсегда сохранится великое призвание России: «Идея России остается истинной... Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро» [11, с. 9].

Выводы. Таким образом, Н.А. Бердяев дал глубокий и всесторонний анализ феномену войны на примере событий Первой мировой войны. Однако философ верит в великое будущее России, хотя и понимает, какую цену она должна за это заплатить: «духовная сила должна проходить в мире через великое испытание, унижение, через Голгофу» [12, с. 201]. Эти взгляды русского философа оказались пророческими. Ко-

нечно, Россия не одержала победы в Первой мировой войне в силу надвигающихся революционных потрясений. Однако в словах Бердяева угадывается предчувствие будущей великой победы русского народа в Великой Отечественной Войне. Минуты сто лет, но военно-философские идеи Бердяева не утратили своей актуальности. Россия снова переживает непростой период своей истории и вынуждена решать схожие задачи. Глубокий историко-философский анализ войны как сложного социального феномена, предпринятый Бердяевым, поможет понять природу и сущность современной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаман Л.А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №3 (29). С. 14-47.
2. Бердяев Н.А. Империализм священный и империализм буржуазный / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С. 33-40.
3. Бердяев Н.А. Война и возрождение / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С. 5-14.
4. Бердяев Н.А. Футуризм на войне / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С.17-22.
5. Бердяев Н.А. Грех войны. Сборник статей. М.: Издательство «Культура», 1993. 272 с.
6. Бердяев Н.А. Мысли о природе войны / Судьба России. Кризис искусства. М.: Канон+, 2004. С. 181–189.
7. Бердяев Н.А. О гражданстве / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С.275-282.
8. Бердяев Н.А. Воля к победе / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С.80-85.
9. Бердяев Н.А. Современная война и нация / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С. 85-90.
10. Бердяев Н.А. Душа России / Судьба России. Кризис искусства. М.: Канон+, 2004. С. 12-41.
11. Бердяев Н.А. Мировая опасность / Судьба России. Кризис искусства. М.: Канон+, 2004. С. 7-12.
12. Бердяев Н.А. О правде и справедливости в борьбе народов / Судьба России. Кризисискусства. М.: Канон+, 2004. С. 195-202.
13. Бердяев Н.А. Сила и насилие / Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. С. 202-209.

REFERENCES

1. Gaman L.A. Berdyaev about war//the Bulletin of the Tomsk state university. History. 2014. No. 3 (29), 14-47.
2. Berdyaev N.A. Imperialism sacred and imperialism bourgeois / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). М.: Canon +, 2004. pp. 33-40.
3. Berdyaev N.A. War and revival / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). М.: Canon +, 2004. pp. 5-14.
4. Berdyaev N.A. Futurism in the war / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). М.: Canon +, 2004. pp. 17-22.
5. Berdyaev N.A. War sin. Collection of articles. М.: Kultura publishing house, 1993. 272 p.

6. Berdyaev N.A. Thoughts of the nature war / Fate of Russia. Art crisis. M.: Canon +, 2004. pp. 181-189.

7. Berdyaev N.A. About nationality / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). M.: Canon +, 2004. pp. 275-282.

8. Berdyaev N.A. Will to win / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). M.: Canon +, 2004. pp. 80-85.

9. Berdyaev N.A. Modern war and nation / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). M.: Canon +, 2004. pp. 85-90.

10. Berdyaev N.A. Soul Russia / Fate of Russia. Art crisis. M.: Canon +, 2004. pp. 12-41.

11. Berdyaev N.A. World danger / Destiny of Russia. Art crisis. M.: Canon +, 2004. pp. 7-12.

12. Berdyaev N.A. About the truth and justice in fight the people / Fate of Russia. Art crisis. M.: Canon +, 2004. pp. 195-202.

13. Berdyaev N.A. Force and violence / Futurism in the war (Journalism of times of World War I). M.: Canon +, 2004. pp. 202-209.

© Иванова С.И., 2017

Иванова Светлана Ивановна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, vaiu@mil.ru